
ИСТОРИЯ НАУКИ

О ПЕРВЫХ ГОДАХ РАБОТЫ Н.Н. БАРАНСКОГО В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ)

© С. Н. Рязанцев

Статья, публикация которой приурочена к 90-летию кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, представляет собой воспоминания С.Н. Рязанцева о начальном периоде работы Н.Н. Баранского в Московском университете. Доктор географических наук, профессор Сергей Николаевич Рязанцев (1906–1980) был в числе первых студентов созданной на физико-математическом факультете МГУ кафедры экономической географии. Ученик Н.Н. Баранского, впоследствии он стал видным экономико-географом, в 1950-е гг. возглавлял отдел экономической географии СССР в Институте географии АН СССР, позднее был зав. кафедрой экономической географии в МОПИ им. Н.К. Крупской. В публикуемых воспоминаниях С.Н. Рязанцева, написанных в 1972 г., на основе личных свидетельств описываются сюжеты, связанные с привлечением Н.Н. Баранского к чтению лекций в МГУ, что послужило основанием для последующей организации кафедры. Характеризуется специфика взаимоотношений Н.Н. Баранского с первыми своими учениками в университете и в экспедиционных условиях. Многие из этих учеников (Ю.Г. Саушкин, И.В. Никольский, С.Н. Рязанцев, Л.Е. Иофа и др.) впоследствии стали видными учеными, развивавшими созданную Н.Н. Баранским отечественную районную школу экономической географии. Публикуется впервые¹.

Ключевые слова: экономическая география, МГУ, кафедра, лекции, Н.Н. Баранский, экспедиционные исследования.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-10

1. Где и как я впервые увидел Баранского. Сентябрьское «бабье лето» в 1928 г. затянулось. <...> Перекресток Герцена и Моховой был шумным и людным. Студенты то и дело курсировали между зданиями университета. <...> Такими запомнились мне время и место, когда я, отпросившись на стройке, шел узнавать результаты приема в университет.

Списки принятых были вывешены на доске под высокой аркой главных ворот с Герцена во двор старого здания МГУ. В проеме между парами колонн у доски с объявлениями я увидел группу пареньков и девушек, взиравших на списки принятых. К ним пристроился и я. На одном из листков рассмотрел свою фамилию, в числе десяти зачисленных на географическое отделение. <...>

Вот, наконец, и начались университетские занятия. Но первые дни принесли много неожиданного. Лекций и другой учебы оказалось мало. В расписаниях было много «окон». Зато потребовалось посещать множество различных собраний. Они были и курсовые, и отделенческие, и факультетские, и общеуниверситетские. Казалось, нет им числа. При этом в процессе собраний на более низких уровнях я получал все новые обязанности, был избран старостой курса, членом нескольких комиссий и еще получил другие поручения.

Душой всей этой оживленной деятельности в нашей первокурсной десятке был студент Владимир Сурин, единственный из нас рабфаковец, которого мы избрали комсоргом. Не по возрасту зрелый в суждениях

¹ Данная публикация подготовлена к печати членами редколлегии журнала А.А. Агирречу и В.А. Колосовым на основе рукописи С.Н. Рязанцева 1972 г.

и лично мне казавшийся обаятельным парнем, Сурин быстро стал проявлять чрезвычайную осведомленность в делах не только нашего географического отделения, но и всего университета. Он стал лидером нашего курса.

Включение нас в университетскую жизнь имело неожиданное следствие: мы были разочарованы постановкой дела на географическом отделении. Пришли к выводу, что нам нужно бороться за что-то лучшее. Главное, хотелось более тесной связи обучения с жизнью, чтобы из нас подготовили специалистов, знающих свое место в хозяйстве страны. Это наше стремление перекликалось и со многим из того, что тогда наблюдалось и на других факультетах МГУ. Назревали вопросы реорганизации университетского образования. Мне трудно было представить, что, проучившись в университете всего лишь три-четыре месяца, я буду включен ни много, ни мало, как в «комиссию по реорганизации физматов» представителем от студентов географического отделения на соответствующую конференцию в г. Ленинграде. <...> Я вернулся «подросший», обогащенный сведениями о положении дел на физматах во всей стране.

Нас, студентов-географов, москвичей, более всего тревожило чрезмерное засилье в учебном плане одного естествознания, одной физической географии; между тем актуальнейшими проблемами тогда становились вопросы госплановского районирования. Оно было нацелено на перспективу, на конструктивную переделку географии хозяйства страны, устремлено в будущее, связано с рациональным использованием природных ресурсов и хозяйственным подходом к изучению самой физической географии, нацелено на освоение малообжитых районов.

Наш «всеведущий» Сурин успел установить, что в ряде московских вузов, в частности во Втором МГУ, имеется даже специальная кафедра экономической географии, на которой работает выдающийся марксист – экономгеограф Баранский².

И вот однажды:

– Рязанцев, ты что шумишь? Как старосте

курса тебе ответственное поручение: надо связаться с Баранским, найти его и просить, чтобы он пришел к нам и рассказал об экономической географии, чем она занимается!

Так, обращаясь в мою сторону, заканчивал заседание группы комсомольцев первого курса географического отделения ее комсорг В. Сурин в марте 1929 года. Мы успели проучиться почти полгода и к тому времени хорошо усвоили, что спорить с этим комсомольцем-интеллигентом (а он именно таким и был) бесполезно. Откажешься от задания – получишь еще два, и спрос будет куда более строгим.

Однако, когда же я все это буду делать?

– Товарищ Сурин! Пропускать занятий-то сейчас нельзя, – заикнулся было я комсоргу.

– Ничего, освободим тебя от чего-нибудь другого. Поручение же это надо обязательно выполнить. Учти, Баранский работает во Втором МГУ и в Промакадемии. Это, кажется, на Басманной. Остальное разужай сам. Имей ввиду, дело срочное!

Дальнейшие сведения были добыты разными путями. Главное, я установил, что в Промакадемии Баранский читает лекции в утренние часы, в том числе по пятницам, имя Баранского тогда уже звучало. Однако удивляло, что на нашем географическом отделении МГУ никто из профессоров ничего толкового о нем не знал, и помочь мне при расспросах не мог. <...>

В ближайшую же пятницу, с утра, прямо из МГУ я направился на розыски Баранского. Средство передвижения – любимое: пешком. Маршрут: Моховая, Охотный ряд, Театральная, Лубянская площадь, Мясницкая. Вот и площадь, где были Красные ворота; их тогда уже разобрали; за ними – Новая Басманная. Свернув в Бабушкин переулок, где была Промакадемия, вспомнил знакомые места. Ведь здесь, чуть дальше, на углу с улицей Маркса располагался Промышленно-экономический техникум им. В.И. Ленина. До университета я проучился в нем два зимних сезона.

К моему удивлению оказалось, что искомое здание «с Баранским» находилось рядом с техникумом³. Вот так раз, думал я: все

² Кафедра эта, как мы узнали позже, возглавлялась С.В. Бернштейном-Коганом. Баранский, ее рядовой сотрудник, был, по рассказам, ее «душой». На той же кафедре тогда работал Н.П. Никитин; там же работал тогда и Б.А. Тутыхин. У проф. Н.П. Никитина сохранилась интересная фотография состава названной кафедры того времени.

³ Теперь, после почти полувека, интересно хоть чуть-чуть сказать и о техникуме. Как впоследствии оказалось, в нем учились и были почти моими сверстниками лица, ставшие потом известными в географии и других областях. Учащимися техникума были: В.П. Зенкович, ныне доктор и профессор, специалист по берегам морей, А.Н. Лавришев – ныне профессор экономической географии, Н.Н. Михайлов – известнейший писатель-географ; А. Тарасенков – поэт и литературный критик.

здесь изучил, а того, что рядом работает знаменитый Баранский, не знал! Но вот я уже в нужном парадном. Вступил в вестибюль, видимо незадолго до очередного звонка. Осмотрелся. Вешалка. Служитель. Уверенно направился к нему.

– Вы не скажете, где бы я мог увидеть профессора Баранского? – имя не назвал, хотя успел выучить для предстоящего разговора.

– Баранский? Он читает лекции на втором этаже, – последовал ответ. Скоро будет звонок. Идите вон туда, – указал он мне взглядом на стеклянную дверь, не предлагая раздеться.

Обрадовавшись, что я «на следу», не держиваясь, я направился по указанному пути. <...> И тут услышал звонок, возвещавший окончание лекции. За ним обычный шум покидавших аудитории студентов. Я невольно остановился в раздумье, как быть дальше? Вот мимо меня проскочили один, другой, третий – несколько слушателей. Они спешно удалялись затем по коридору. За ними – целый поток. А на лестнице вверху, среди таких же спешащих и друг друга обгонявших показалась фигура, спускавшаяся вниз более размеренно: это был человек высокого роста, в черном костюме. Но костюм ему был словно мал; брюки едва доставали до штиблет, а из рукавов высывались не только кисти, но и запястья рук. Сама же фигура в профиле показалась мне не совсем укложей. Было в ней что-то угловатое, не то медвежье, не то «человекообезьянье».

Но это продолжалось одно мгновение. Вдруг поворот, и все изменилось: прямо на меня по лестнице спускался сосредоточенный на чем-то, стройный, высокий человек (короткие брюки и рукава лишь подчеркивали его рост и крепкое сложение). Уж не Баранский ли, подумал я. Решительно направился ему навстречу и деликатно преградив путь на лестнице, спросил:

– Не скажете ли вы, как мне найти профессора Баранского?»

– Баранский – это я. Что вам угодно?

– У меня к вам дело, – напрямик заявил я, не уступая ему дороги.

Однако две или три ступеньки, оставшиеся до площадки, он по инерции преодолел, слегка наступая на меня. Я же, пятясь и боясь упустить профессора, докладывал:

– Меня прислала к вам группа студентов из географического отделения МГУ. У нас, профессор, есть к вам просьба – прийти и рассказать нам об экономической географии. Среди студентов есть интересующиеся этой дисциплиной, но она у нас не преподается, – я умолчал, что на том этапе этой дисциплиной интересовался, по существу, один комсорг Сурин, остальные просто недостаточно разбирались в содержании науки.

– Для нас очень желательно, – решительно добавил я, – чтобы это сделали именно вы. Нам нужно освещение вопроса с марксистских позиций, – тут я пустил в ход аргумент Сурина.

К своему огорчению я заметил, что он продолжает движение, не обращая на меня должного внимания. Но тут я уже решил «не упускать зверя» и твердо встал у него на дороге. Эффект оказался чрезвычайным. Профессор остановился. Затем даже отступил шага на два назад, меряя меня взглядом с ног до головы. В его взгляде было и любопытство, и удивление. В то же время этот проницательный взгляд показавшихся мне светлыми глаз из-под чуть-чуть лохматых бровей был вполне добрым. Это придало мне уверенности и смелости:

– Я, может быть, не все вам сказал – чеканил я слово за словом, – но суть именно эта: студенты географического отделения университета – комсомольцы поручили мне убедить вас прийти к нам: у нас действительно есть интерес к экономической географии, но она у нас как специальность не представлена.

Здесь мой «доклад» был прерван жестом собеседника. Почти перед носом он показал мне свою правую руку с погасшей папиросой. Нужна спичка! Мгновенно я достал из кармана и вручил ему новый коробок, приобретенный дорогой вместе с пачкой папирос «Сафо». Вслед за спичками предложил ему и «Сафо» на смену окурка. Но папиросы он молчаливо отклонил и стал разжигать свою потухшую папиросу. Меня же он продолжал рассматривать с каким-то снисходительным любопытством. Я крепился, чтобы не потеряться и «выполнить задание». Создавалась заминка.

– Так что вы мне скажете, профессор? Ведь для всех пославших меня студентов это так важно!

– А что у вас там за публика? И много ли вас? – последовали вопросы.

– Мы не публика. Мы студенты, – помнится, сказал я тихо: со словом публика у меня связывалось представление как о чем-то очень малоуважительном, слово же «студент» звучало для меня тогда почти также, как теперь профессор! Мы называли себя студентами с гордостью. Я думал, что сильно подыму в глазах собеседника престиж аудитории.

– Но нас немного, – словно извиняясь, продолжал я. – На первом курсе с десяток, а на всех около сорока... Но мы соберем всех, устроим собрание научного кружка. Ведь это все географы, а об экономической географии почти ничего не знают. Вы нам все расскажете, и дальше будет виднее...

Трудно ручаться за точность слов через полвека, но «дальше будет виднее» я произнес точно, и помню, это вызвало у него улыбку. Беседа, как мне казалось, завязывалась. Но он проявил нетерпение, спешил. Я закрутился с ответами и вопросительно ждал. Он недолго раздумывал и вдруг сказал:

– Хорошо, я согласен у вас быть, но это где? И когда? В какое время – час?

И как бы в раздумье произнес:

– Давайте так: день назначу я, а час вы.

– Хорошо! – рявкнул я.

– Так вот, следующая пятница – соберетесь?

– Да, безусловно. Давайте в шесть вечера.

– А где явка? – это его слово было для меня совершенно новым, но я догадался, что «явка» – это, наверное, встреча.

– Моховая 9, старое здание МГУ, – выпалил я. Войдете в калитку около ректората и сразу налево. По дорожке вдоль ограды дойдете до противоположного крыла. Там прямо в дверь, по чугунной лестнице на третий этаж, с площадки будет одна открытая дверь. Войдете – Вас встретим.

Он прослушал с большим вниманием. Хотел я добавить, как ориентироваться по памятникам Герцену и Огареву, но он резко переспросил:

– Так в шесть вечера?

– Да, – подтвердил я.

И тут произошло нечто для меня неожиданное. Мой профессор вынул из кармана папиросную коробку и огрызком карандаша

на ней четко вывел «6 веч.». Затем коробку спрятал в карман. А далее просто отодвинул меня со своей дороги, дав этим понять, что разговор окончен, и ушел. «Вот тебе на: записано было только время, а как же с адресом?» – размышлял про себя я. И не находил разгадки.

Смушало и его со мной обращение. Как это он так ловко отодвинул меня со своей дороги! В движении его руки я почувствовал большую силу. Вся беседа заняла не более 5–7 минут. Проходя на обратном пути вестибюль, я слышал звонок, возвещавший конец перерыва между лекциями⁴. Но как бы там ни было, уходя, я был доволен, что связался с Баранским. Тогда я не знал, что связался на всю жизнь...

Очередная пятница доставила организаторам первой встречи с Баранским немало хлопот. Выяснилось, что на его выступлении в кружке может быть только первый курс (а это всего десятка!), да и то не полностью. Помнится, комсорг Сурин тщательно заботился о явке хотя бы комсомольцев курса, которых было всего пять человек, чтобы встреча не была сорвана. Студентам других курсов время не подходило. Фактически к назначенному времени в малюсенькой аудитории собрались только активисты-первокурсники; из старших удалось «завлечь» не более двух–трех человек. Припоминаю, это были М. Первухин, ходивший тогда уже в аспирантах, и В.С. Зайкина. Появился, кажется, и Н. Викторов. Комсорг Сурин почти каждому доверительно разъяснял важность предстоящей встречи с Баранским и просил не расходиться.

Я же был весь поглощен вопросом – сдержит или нет Баранский свое слово. Крутился у окна, тревожно поглядывая на дорожку, где он должен был появиться. И вдруг, минут без пяти шесть на ней замаячила уже знакомая фигура. «Идет», – шепнул я Сурину и устремился вниз встречать докладчика. <...> Кивнув мне головой, он продолжал движение, шагая через ступеньку; мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Без всяких затруднений он нашел нужную дверь. Только уже в помещении

⁴ Много, много лет спустя, сидя по вечерам дома у Николая Николаевича на ул. Воровского, мы нет-нет да и вспоминали былое. Вспоминали и эту нашу первую встречу. «Вы ведь, Сережа, мне тогда не назвались, – говорил он. Ваша фамилия мне стала известна только в МГУ». Но когда я ему напомнил, как меня удивила запись им на папиросной коробке только часа и ничего больше. Он пояснил: «Знаете, у нас в Сибири во времена подполья, было не принято записывать адресов явок; их полагалось запоминать. Записывать можно было только время. Этот обычай у нас существовал в целях конспирации, и мы его придерживались строго. Так вот бывает, – добавил он, – времена и условия меняются, а старые привычки остаются».

географического отделения понадобилась моя помощь, я ему показал, где его ждут. Разделся он прямо в аудитории, положив пальто на одну из скамеек. Выслушал извиняющегося Сурина за малый сбор слушателей. Занял место за столом и как-то внезапно, громким голосом, повел с нами беседу:

– У вас тут есть любители экономической географии? Вы не знаете, чем она занимается?

Все притихли. Не ожидая ответа, он продолжал ставить вопросы и затем занялся их разъяснением. Почему-то большое место заняла трактовка значения таможенных пошлин. И вообще беседа шла больше об экономических моментах, на которых докладчик старался пояснить тематику предмета. Первая беседа в целом как-то не получилась. Не дошла до аудитории. Возможно, потому что к ней слушатели не были подготовлены. Это почувствовал, видимо, и сам докладчик. Он с интересом выслушивал наши впечатления. Помнится, ему говорили, что у нас преобладает физическая география, и нам неясно, какую практическую пользу может дать ее изучение.

Баранский задумался и вдруг заявил:

– Разговор с вами надо продолжить. Давайте соберемся еще раз в это же время в следующую пятницу. Поговорим о практическом значении географии, о природных факторах.

Он вопросительно смотрел на нас и особенно на Сурина. Такая концовка была для нас сюрпризом. Мы ожидали, что все, что он у нас нашел, его разочарует. А тут вдруг новая встреча! Его предложение всех окрылило и было принято. Комсорг Сурин стал даже обещать, что и слушателей мы соберем больше. Баранский поднялся, прошелся по аудитории. Среди нас он казался Гулливером. Одедся и ушел в сопровождении нескольких человек.

Следующая встреча состоялась в несколько более многолюдной аудитории и была для нас более интересной. Докладчик был «в ударе», осветил два интересных для студентов вопроса. Сначала рассказал о концепции Мечникова по книге «Цивилизация и великие исторические реки», дал ее критику, сделал заключение о необходимости правильной оценки природного фактора. Затем обратился к проблемам современности: заговорил о значении плана ГОЭЛРО для развития экономической географии СССР.

Эта вторая его беседа оставила у всех сильное впечатление. Было решено «уцепиться за Баранского». В последующее время форсировали борьбу за приглашение Баранского, переговоры в университетских организациях и с ним лично. Они закончились тем, что уже в весенние месяцы того же 1929 г. Баранским было начато чтение лекций по экономической географии на географическом отделении физмата МГУ, положившие позже начало организации соответствующей кафедры.

2. На первых лекциях Баранского. Первое время после перехода Н.Н. Баранского на факультет в географическое отделение, четкости, какой курс он будет читать, не было. Нам хотелось, чтобы нам читал «сам Баранский». А что – это уж на его усмотрение. В первый период он ограничился небольшим числом лекций по общим вопросам экономической географии; среди них преобладало обоснование районного направления. Поскольку формально обязательными его лекции могли считаться только для первого курса, а на нем было всего десять человек, слушателей было обычно мало. Но это не смущало профессора. Он приходил аккуратно в назначенное время и относился к занятиям с большой серьезностью. Помнится, наш комсорг Сурин развил большую агитацию среди студентов старших курсов за переход на экономическую географию, которая имела успех. Несколько человек согласились посвятить себя новой дисциплине. Однако из них твердо на этих позициях впоследствии остались только единицы, остальные предпочли перейти снова на физическую географию. Так что «людность» на лекциях Баранского возросла ненамного. Но занятия шли. И интерес к ним самого Баранского не ослабевал.

Обнаружились, однако неудобства для других преподавателей. Баранский читал лекции громким басом. Тонкие перегородки между аудиториями его плохо глушили. Выход был найден в том, что новому лектору отводилась аудитория в самом конце коридора, расположенная к нему Т-образно. Слышимость из нее была меньше. Вспоминается, как на первых лекциях Николай Николаевич с большой экспрессией говорил о значении для строительства социалистического государства плана ГОЭЛРО. Всесторонне выяснял его значение для становления новой

советской экономической географии, связывал с ним районное направление в экономической географии. Он имел привычку во время лекции как-то неожиданно приблизиться к кому-либо из слушателей в первом ряду и, высказав то или иное утверждение, наклониться и в упор спросить: «Ведь так?» и словно бы ждал ответа. Этим он сильно смущал слушателей, особенно студентов. Они стали выбирать место в более дальних рядах.

От лекций всех других наших профессоров тогда отдавало известным академизмом. Лекции же Н.Н. Баранского отличались непосредственностью, связью содержания с сегодняшним днем, текущими или недавними событиями, с тем, как шло становление в стране экономических районов, формировалась новая география производительных сил, с задачами экономико-географических характеристик районов Госплана и перспектив их развития. Много внимания в них уделялось критической оценке вышедшей новой экономико-географической литературы. Все это приближало содержание предмета к жизни, укрепляло в студентах интерес к избранной специальности.

К своим лекциям Баранский требовал соответствующих карт. Но я заметил, что пользовался он ими своеобразно. Указки со стола, если ее ему клали, не брал. Приблизившись к карте, он нужный район накрывал пятерней и не фиксировал внимания на каких-либо мелких деталях. Чаще всего с помощью карты он объяснял основные особенности экономико-географического положения, показывал взаиморасположение районов и тех или иных географических данностей.

Лишь много позднее мое представление о его требовательности к знанию карты изменилось. Когда на четвертом курсе он стал нам читать географию США, потребовал буквально зубрежки карты. Надо было уметь провести на схеме границы между всеми штатами, ориентируясь по основе, и отметить пунсонами все крупные города. Чтобы убедить нас, что такие знания вполне возможны (мы в это даже не верили), он приводил на занятия своего шестилетнего сынишку Костю. И этот натренированный мальчик, к нашему удивлению и посрамле-

нию, свободно проводил рубежи штатов на бланковке и надписывал их названия. Решительно всех!⁵

3. Первое «общество» Баранского в МГУ. Баранский любил нас, студентов. Его невозможно представить без этого общества. И его характеристика будет неполной, если не сказать, с кем он работал, к кому тяготел. Даже среди нас, зеленой молодежи, он как-то метко отбирал более близких к себе по характеру. Ценил, у кого слово не расходится с делом, натуры более смелые и стремительные. Высоко оценивал способности к литературному изложению своих мыслей. Подмечал «мыслящих географически». <...> Кое-что, но очень мало у него об этом говорится в мемуарах⁶.

Кто обращал на себя его внимание на нашем первом курсе? На том этапе более всего, на него, видимо, производила впечатление деятельность Володи Сурина. В своих мемуарах, написанных под конец жизни, он не случайно написал: «Особенно запомнились выступления Володи Сурина, подававшего очень большие надежды молодого человека, но вскоре, по окончании университета, в 1932 г., безвременно погибшего от туберкулеза (Сурин умер в 1933 г. – С.Р.). «Он был, несомненно, – продолжал Баранский, – самым ценным из всей молодежи географического коллектива МГУ по своим способностям и особенно по цельности своей натуры; говорил очень дельно и с чувством глубокого убеждения; более сильные места своей речи он подчеркивал особым жестом руки, направлявшим удар от себя наотмашь с расправленной плоской ладонью. Речи его производили очень сильное впечатление. Когда он кончал свою речь, наступала очень длительная пауза. Все переживали им сказанное. Это был как бы «Марат» географического «чердака» («чердаком» студенты прозвали верхний этаж старого здания МГУ, где помещалось тогда географическое отделение). К этой характеристике мало что можно добавить. Из-за болезни и ранней смерти Сурин не успел оставить о себе большого следа в научной литературе. Однако он был одним из авторов атласа Московской области и соавтором

⁵ Около 15-ти лет назад профессор физического факультета МГУ К.Н. Баранский рассказывал об этом в беседе с одним из сотрудников кафедры (прим. ред.).

⁶ Мемуары были изданы на географическом факультете МГУ в 2001 г.: Баранский Н.Н. Моя жизнь в экономгеографии. М., 2001. 196 с. (прим. ред.).

небольших географических заметок в журнале «Пропагандист» того времени.

Были и другие приметные персонажи, с которыми сразу или потом сблизился Баранский. Среди первокурсников скромно держался юноша миниатюрного склада, со щеткой густых темных волос. Подвижный, но сосредоточенный на лекциях, он прилежно слушал профессоров; лишь иногда казалось, что на его лице какая-то едва уловимая ироническая улыбка. Тогда трудно было представить, что с нами сидит будущий экономико-географ, который станет известным географом мира, автор целого «потока» научных публикаций. Но такая «неприметность» юноши скоро прошла. Оказалось, что он очень общителен и может быть консультантом по многим географическим вопросам. Своей начитанностью и осведомленностью, определенностью суждений, а главное, дельностью практических предложений он удивлял своих коллег. Это был Юлиан Саушкин. Вскоре обнаружилось и еще одно ценное качество нашего юного коллеги – замечательный ораторский талант, особенно в полемике. Запомнился его дебют по этой линии зимой 1929/30 г. В здании Комкадемии на Волхонке тогда уже начинались дискуссионные заседания по проблемам географии, нередко левацкого толка. На одно из них попали и мы.

Присутствовал и Баранский. Крикливый докладчик в соответствии с модой занялся «ниспровержением» географии, а заодно намекнул и на ошибки Баранского. В прениях слово попросил хрупкий юноша. Выйдя на сцену, он громким голосом, в чеканной речи, не заглядывая ни в какие конспекты, за какие-нибудь три-четыре минуты изложил убедительнейшие возражения оратору (и вернее сказать, разложил докладчика) и под шум аплодисментов сошел в зал. Выступление его произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Председательствующий объявил незапланированный короткий перерыв. Нас, коллег юного оратора, в кулуарах спрашивали: «Кто он? Где вы его взяли? Что он окончил?» Мы отвечали: «Это наш студент второго курса Саушкин. Очень интересуется наукой. А что он окончил, мы не знаем, но эти курсы, кажется, уже закрыты...». Баранский выступлением Саушкина был очень доволен. «Ну и устроил же он переполох этим бородачам», – говорил он нам.

Из первокурсников серьезностью и трудолюбием в учебе выделялся А. Гедымин, в будущем активный организатор студентов картографической специальности. Были и другие яркие персонажи. Мы быстро сдружились с некоторыми студентами более старших курсов, особенно второго. Всем нам вместе и суждено было стать первым «обществом Баранского» в МГУ. Из студентов второго курса мы сблизились с комсомольцем Сашей Соловьевым. Это был вятский паренёк в пенсне с пушком на месте усов и бороды, с мягким чуть-чуть окающим говорком. Он нас познакомил и со своим сокурсником Игорем Никольским, а позже – со старшекурсником Борисом Левиным, единственным членом партии на всем отделении. Саша Соловьев был уже хорошо знаком с обстановкой на отделении и факультете. Его информация помогла нам ориентироваться в новой для нас университетской жизни, а личные душевные качества располагали к дружбе. Через него наши знакомства расширились.

Запоминающимися были и другие студенты-второкурсники, становившиеся большими активистами: В. Лидов, Н. Дик, М. Рейсер, а с более старших курсов – Н. Викторов, М. Калецкая, В. Добровольский, И. Заруцкая. Из «старожилов» отделения-аспирантов у молодежи более всего контактов возникло с М. Первухиным и Б. Шустовым, а также В. Кальяновым. Из числа всех этих лиц в дальнейшем едва ли не самым популярным стал В. Лидов. С приходом Баранского он сыграл большую роль в организации работы географического отделения.

Осенью 1929 г., незадолго до начала занятий Баранский мне предложил: «В «Энциклопедии» нужен временный сотрудник на льготных условиях, не хотите ли попробовать?» До занятий в МГУ оставалось около месяца. Студенты от заработка никогда не отказывались. Я согласился. Устроил он меня в МСЭ секретарем в географическую редакцию. Дела в ней вела М.М. Эльская на правах зам. редактора. Вспоминаю об этом потому, что здесь мне раскрылись некоторые качества Н.Н. как человека, старшего товарища, воспитателя. Он усиленно заботился о расширении моего кругозора: знакомил с людьми географии. Я узнал Ивана Александровича Витвера, работавшего тогда в БСЭ, И.С. Звевича, М.О. Галицкого, С.В. Чеф-

ранова, А.С. Баркова, Г.Н. Черданцева и многих других. Что меня удивляло, так это постоянный интерес Баранского к моим знакомствам. Он часто спрашивал, какое впечатление производили на меня те или иные новые знакомые. Любил краткие суждения. И если они ему приходились по вкусу, был очень доволен. В тот период он мне много рассказывал о специфике редакционной работы, о большом значении дисциплины в издательском деле, называл выдающихся, по его мнению, работников в этой сфере. Неизменно упоминал работавшую тогда в одном издательстве С.М. Коган, на которой, как он говорил «сейчас держится» издание самых передовых экономико-географических книг.

4. В первых экспедициях с Баранским.

Энергичная деятельность студентов по подысканию мест для производственных практик с каждым годом давала все лучшие результаты. Н.Н. Баранский относился к инициативе студентов весьма одобрительно. В 1931 г. удалось договориться с НИИ геодезии и картографии об участии большой группы студентов-практикантов с разных курсов в полевых экспедиционных работах по сбору материалов для географических описаний планшетов (карт двухсоттысячного масштаба). Работа предстояла на Южном Урале и в Башкирии. Экономгеографы «вцепились» в Баранского с просьбой о его личном участии в руководстве работами в поле. Согласие было получено. Николай Николаевич приехал к нам в Белорецк как бы на научную конференцию по обмену опытом. Он прибыл, когда различные отряды стали собираться на экспедиционной базе с первыми запасами собранных материалов и наблюдений.

Николай Николаевич стал настаивать, чтобы камеральная обработка собранных материалов в какой-то мере была начата там же, в Башкирии. Речь шла о подготовке раз-

личных таблиц с обработкой собранных первичных данных, заготовке на их основе фрагментов описаний отдельных объектов, составлении эскизов экономических картосхем и улучшении полевых записей в дневниках, пока свежи в памяти сделанные наблюдения. Он допрашивал нас о практике прошлого года, протекавшей на Дальнем Востоке⁷. Требовал сопоставлений задач исследования там и здесь. Применительно к целям данной экспедиции старался конкретизировать задания по дальнейшему сбору материалов. Для придания интереса камеральной обработке полевых материалов он придумал выпускать рукописный журнал тиражом в один экземпляр. При этом, не гнушаясь черновой работой, взял на себя роль не только редактора, но и типографщика. Он сам своим редким по четкости почерком, чрезвычайно своеобразным, переписывал начисто все отредактированные статьи и монтировал журнал. Припоминаю, как нам нравились наши робкие наброски после того, как по ним прошла рука Баранского. Уже тогда это был, несомненно научный редактор высшего ранга. С первого захода пристроить в журнал ту или иную заметку удавалось не всегда. В невероятно короткие сроки наш редактор ухитрялся прочитывать наши творения и возвращать их на доработку с серией «кругляшков» на полях⁸. Лишь по исполнению его требований можно было рассчитывать увидеть заметку в журнале. Особенно он поддерживал полевое экономическое картирование. Поощрял составление эскизов экономических картосхем на типичные местности с их обрисом в тексте. Незадолго до своего отъезда он потребовал, чтобы руководители отрядов, которым предстоит в Москве писать отчетные описания планшетов, попробовали там же, в Белорецке набросать планы таких отчетов и сделать пробные главы (одну или две по выбору). Он успел их просмотреть и дать немало полезных советов авторам. В некоторые из таких глав он сам лично делал большие вставки.

⁷ Практика эта, проведенная по согласованию с Н.Н., была чрезвычайно интересным эпизодом в нашей учебе. По договоренности с переселенческим управлением Наркомзема с нашего отделения на Дальний Восток были направлены пять студентов для участия в экспедиции по изысканию земельных фондов для переселенцев. Это были комплексные работы. От нас туда послали Сурина, Лидова, Иофу, Никольского, Рязанцева. Сурин в Хабаровске заболел и вернулся. Остальные по полгода провели на изысканиях в таежных районах. Это чрезвычайно обогатило их географический кругозор и подготовку. О работе в низовьях Амура я, по настоянию П.Н. Степанова, который меня «заметил», делал научное сообщение (первое в жизни) в обществе изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока в Москве. В одну из поездок на пароходе по Нижнему Амуру я имел счастье познакомиться лично с известным исследователем Дальнего Востока В.К. Арсеньевым, следовавшим тем же пароходом. Узнав, что я студент-географ, он рассматривал меня и беседовал с чрезвычайным интересом. Но он был болен.

⁸ «Кругляшки» – это кружочки, проставлявшиеся на полях рукописи с цифрой внутри; соответственно цифрам нумеровались и замечания, поясняющие, чего хочет редактор. Ученики Баранского хорошо помнят этот его метод.

Быстрота, с которой наш профессор переписывал начисто страницы журнала, нас поражала. И все у него было так читабельно! На вопрос, как это вы так можете, он обычно говорил, что в свое время набил руку на писании прокламаций во времена революционного подполья в Сибири. «Надо было делать быстро, – пояснял он, – обязательно, чтобы было разборчиво. А вот что мне ваши работы придется переписывать – я не знал».

А как было в быту? Мы размещались на базе в больших комнатах кирпичного здания в самом центре Белорецка⁹. Предусмотрительный завхоз экспедиции развесил в комнатах брезент, создав «отсеки» для двух-трех человек. Один из них занял Баранский. Никакого чванства, все так просто. В столовую ходили вместе, нередко садились вместе с ним за один столик. На пути в столовую и обратно оживленные разговоры, шутки. Он так их любил. Не все в столовой было по нашему студенческому карману. Но вот вдруг: «Сегодня я угощаю, а завтра вы – Сергей, согласны?» «Конечно», – слышалось в ответ, хотя отвечали за меня обычно мои спутники. Обед проходил оживленно. Однако на другой день, когда предстоял «ответный» обед, Н.Н. как-то обособлялся, находил причину обедать с Поляком (начальником нашей экспедиции) и кредитованный обед нередко забывался. Но нет-нет да мы и затаскивали его к столу: в таких случаях он отказывался сам выбирать что-либо в меню: «Кормите меня как можете, по средствам!» И ел то, чем его угощали. Перерыв в полевых работах пролетел быстро. Баранский должен был уехать, а мы пустились в новые маршруты, но чувствовали себя обогащенными его советами.

Весной 1932 г. наш курс был уже выпускным. Производственную практику студентам в этот год удалось сделать еще более организованной. Главдортранс предложил НИИ географии (НИИГ) и Отделению обследования по его инструкции целых двух областей – Уральской и Западносибирской. Дело для всех нас было новым, но интересным. Экспедиции поглотили весь состав студентов-экономгеографов и часть аспирантов. Н.Н. Баранский формально в состав экспедиций не входил, но проявлял к их проведению большой интерес. Не выезжал он на этот раз и

в поле, но с вниманием знакомился с результатами наших работ. Центральное место в них занимали краткие экономико-географические характеристики административных районов, предварявшие анализ их экономических связей и грузопотоков. Они создавались по собранным на местах первичным данным. Требовались экономические картосхемы всех районов с грузопотоками, обобщающая их областная карта и экспедиционный отчет.

Экспедиция выявила ряд особенно способных и талантливых студентов. Как организатора и руководителя Н.Н. Баранский очень высоко ценил студента П.Я. Коршунова, бывшего начальником экспедиции. В числе исполнителей ярко блистал талант Саушкина, давшего краткие, но наиболее выразительные характеристики обследованных им районов северного Прикамья, а особенно Вишерского края. Его работы привели в восхищение маститых экономистов Уралдортранса. По части экономического картирования сложившимися специалистами показали себя И.В. Никольский и студентка Г.А. Шестаковская. Общие итоги работ экспедиции, а главное, саму практику студентов в сборе и анализе первичных материалов с последующим их картированием Н.Н. Баранский ставил очень высоко. О картографических итогах экспедиции с демонстрацией карт по его представлению мною было сделано научное сообщение в картографической секции Первого Всесоюзного географического съезда (1933 г.).

Несомненный успех Уральской и Западносибирской транспортно-экономических экспедиций содействовал закреплению работы в этом направлении и на ряд последующих лет. Николай Николаевич ценил эти работы за то, что они требовали от нас, практикантов-экономгеографов: а) умения самостоятельно собрать и обработать первичный статистический и экономический материал; б) «видеть» территорию, район «в натуре»; в) обследовать все сколь-нибудь значительные экономические центры (этому подлежали все промышленные предприятия изучаемого района); г) сделать самостоятельный анализ собранных данных с созданием краткой экономико-географической характери-

⁹ Небезынтересно вспомнить о студентах участниках той экспедиции. Среди них были И. Заруцкая, В. Веденева, И. Васильева, В. Роде, С. Рязанцев, А. Преображенский, В. Апеченко, М. Бензина, И. Субботин, И.В. Никольский, В.В. Добровольский, Н.Н. Баранский-младший, А. Подгаецкий и др. Впоследствии некоторые из них стали близкими учениками Н.Н.

стики изученного района с раскрытием перспектив развития.

И все это необходимо было сделать с позиций столь «фокусной» отрасли хозяйства, как транспорт, с исследованием транспортно-экономических связей. На основе последующего анализа разрабатывались предложения по реконструкции и улучшению сети дорог. Работы велись в крупном масштабе с созданием экономических картосхем в масштабе обычно не мельче 1:200 000.

«Чего же вам лучше, – говорил Баранский. – Показывайте, на что вы способны!» В 1933 г. очередная транспортно-экономическая экспедиция была организована в Башкирию. Баранский назначил ее начальником Петра Коршунова, который отобрал лучших, по его мнению, работников. В их числе были И. Никольский, Ю. Саушкин, А. Преображенский, Г. Шестаковская, С. Ледовских, В. Ситчихин, М. Пономарева и многие другие. Некоторых из них мы ныне видим профессорами. В период камеральной обработки материалов в г. Уфу к нам приехал сам Николай Николаевич. Работы велись в арендованной большой даче в пригороде Уфы, там жили и все участники экспедиции. Был установлен образцовый распорядок дня. Лучший пример в его соблюдении показывал сам Баранский. Трудились с утра до вечера с короткими перерывами для разминки на волейболе или просто на прогулках по воздуху тут же у дачи. Припоминаю эпизод: один из нас, увлекшись волейболом после обеда, забыл, что у него ключ от комнаты, где шла работа целой группы. Это вызвало простой. Меня вызвал Коршунов. Они сидели вместе с Баранским.

– Сергей, – обратился ко мне Коршунов, – объяви выговор приказом В.

– А почему бы тебе это не сделать самому?

– Я уже делал такие взыскания, – сухо ответил Коршунов, – надо, чтобы знали, что в борьбе за дисциплину я не одинок.

Приказ, как его заместитель, я отдал: В. получил строгий выговор. Но ни тогда, ни позже он не обижался на меня. Помнится, Баранский во время нашего с Коршуновым разговора не проронил ни слова. Но мне почему-то казалось, что он мало верит в мое послушание. Однако потом он говорил, что был доволен всем случившимся. Порядок воцарился полный и больше никем не нарушался.

Работа шла очень интенсивно. Готовились части заключительного отчета, обобщающие экономические карты. Мне, помнится, было поручено продумать транспортно-экономическое районирование Башкирии. Ю. Саушкин, если не изменяет память, углубился в анализ сельского хозяйства республики применительно к задачам отчета; И. Никольский работал над сводной картой вместе с помощниками.

В разгар работы вдруг выяснилось, что Н.Н. должен срочно уехать в Москву. К этому же дню от внезапного заболевания крайне ослабел Ю. Саушкин. «Юлиана я увезу в Москву, – сказал нам Баранский, – его нельзя оставлять здесь – он погибнет. Вы, Сергей, поможете мне его довести до вокзала». Решения Н.Н. никто не оспаривал. Он уехал вместе с нашим товарищем. Припоминаю и дорогу на вокзал в извозчицкой пролетке. Я примостился вместе с хозяином транспорта на козлах, а Н.Н. с Саушкиным на коленях, завернутым в плохонькое байковое одеяло, расположился на основном сиденье. Лошадь оказалась клячей. Мы чуть не опоздали к поезду. Я ужаснулся, когда взял от Баранского на руки Юлиана, чтобы отнести его с извозчика в вагон вслед за торопившимся Баранским. Юлиан настолько похудел, что ничего не весил! Мы управились вовремя. Поезд тронулся, едва я вышел из вагона.

Основное в камеральной обработке было сделано. Мы успешно ее довершили. Башкирская экспедиция много дала нам всем как экономгеографам, послужила «колыбелью» для ряда будущих научных работ.

Никольский и Преображенский завершили и издали транспортно-экономическую карту Башкирии. Я опубликовал тезисы доклада о транспортно-экономическом районировании Башкирии, который делал на конференции молодых научных работников МГУ. Преображенский составил интересный экономический атлас Баймакского района, который Н.Н. Баранский потом демонстрировал в Польше на научном конгрессе.

В 1934 г. транспортно-экономические экспедиции продолжались. Одну из них в Бурятскую АССР Баранский предложил возглавить мне. В другой – в Южно-Казахстанскую область главными работниками были П.В. Смирнов, впоследствии погибший в битве под Сталинградом, и М.И. Никишев. В Бурятской экспедиции моими коллегами

по рекомендации Н.Н. были А.Г. Кауфман, И.В. Сенекин, Т.А. Соловцова, Г.А. Шестаковская, А.Д. Мякин и некоторые др. Но в полевых работах этой экспедиции Н.Н. не участвовал. Мне в дорогу он говорил: «У вас уже большой опыт, в случае чего, обратитесь за советом к К.Н. Миротворцеву (жившему тогда в Иркутске). Он знает Восточную Сибирь, а особенно Прибайкалье». Обе названные экспедиции были успешно завершены. И Николай Николаевич их результатами был доволен.

Но очень памятной осталась работа с ним в Южном Казахстане в следующем 1935 году. Я был в это время аспирантом Баранского. Через П.В. Симонова НИИГу МГУ Южно-Казахстанским облпланом было сделано предложение провести комплексное экономико-географическое изучение Южно-Казахстанской области и составить сборник «Южно-Казахстанская область и ее районы». В отличие от транспортно-экономических экспедиций центральная задача здесь состояла в создании комплексных экономико-географических характеристик каждого из районов области и всей ее в целом, с предварительным обследованием и изучением всех районов с выездом на места. Баранский очень поддержал инициативу Симонова. Было заключено соответствующее соглашение с заказчиком, и создана экспедиционная группа. «Командование» было поручено мне. В группу, кроме меня и Симонова, входили Ю. Саушкин, И. Галигузов, Г. Шестаковская, Т. Юшинский. Работа закипела. В быстром темпе были разработаны и согласованы с Н.Н. необходимые программы, и все выехали в Южный Казахстан для сбора материалов. Опыт предыдущих экспедиций пригодился: в чрезвычайно короткие сроки были не только мобилизованы необходимые первичные данные, но и стали готовиться очерки одного района за другим. Вспоминаю, что работники облплана, которым мы давали на ревизию наши творения, немало удивлялись, как это приезжие москвичи, да еще совсем «юные» (никому из нас тогда не было и по 30 лет) создают один за другим очерки ранее мало известных им районов, в которых не к чему особенно и придраться! Они очень хотели увидеть того мифического Баранского, который, по нашим словам, руководил нами из Москвы и вот-вот должен приехать по приглашению обкома и облплана.

Николай Николаевич действительно приехал, но к периоду камеральной обработки материалов, как я с ним и уговорился. Незадолго до выезда он прислал мне письмо с просьбой разрешить приехать не одному, а с дочерью Руфой. Я снесся с руководством – председателем облплана. Мне было обещано хорошо принять профессора и устроить его на время приезда на даче под Чимкентом. На основе этого я уведомил Н.Н. о полной приемлемости его варианта, и он действительно приехал к нам в Чимкент с Руфой. Мы жили и работали на нашей «базе» в городе, а Н.Н. с дочерью был помещен на даче под Чимкентом, куда за ним ходила машина облплана. Он занялся интенсивным чтением и редактированием наших окончательных рукописей. Работал быстро и энергично. Мы едва успевали вносить поправки и дополнения по его замечаниям. Наш отчет представлял собой объемистую машинописную рукопись с большим числом экономических картосхем и был принят заказчиком. Предстояла публикация этой работы.

Запечатлелись в памяти два эпизода, связанных с пребыванием Н.Н. в Чимкенте. По просьбе обкома партии он согласился выступить на собрании интеллигенции города. Тема – «О сущности и задачах экономической географии». В зале собралось до трехсот слушателей. Была сцена. Но Н.Н. предпочел находиться между ней и слушателями. Как обычно, он громким голосом стал излагать сущность и значение экономической географии. Под конец он стал кратко формулировать значение географии для: а) грамотного планирования размещения производительных сил; б) правильного решения задач об очередности использования природных ресурсов; в) овладения знанием хозяйственного значения этих ресурсов; г) военного дела и, наконец, д) воспитания любви в Родине, советского патриотизма. Каждый тезис он пояснял яркими примерами. Одновременно на правой руке загибал по одному пальцу, начиная с мизинца, и поднимал руку вверх, показывая слушателям. Под конец оказались сложенными все пять пальцев. Образовался кулак. Он тихонько поднес его близко к лицу одного из слушателей в первом ряду и как бы подводя итог, произнес: «Так вот что такое география!». Такая «наглядность» озадачила «пострадавшего», но поднятый вслед за этим могучий кулак профессора вверх вызвал

шумные аплодисменты. Сидевшая по соседству со мной где-то в последнем ряду старая учительница из Чимкента громко сказала своим соседям: «Ну как приятно слышать такую чистую русскую речь!» По всему было видно, что доклад Баранского о географии вызвал восхищение слушателей.

Настало время отъезда. По брони обкома достали на Москву два билета. Но поезд шел ночью. Баранский мне сказал, что в этот день он на дачу не поедет, а останется в городе и мы примерно за час до поезда двинемся на вокзал. Не захотел он и требовать машину:

– Вещей у нас нет, мы пойдем с вами пешком.

– Ну что ж, пешком, так пешком, – согласился я. – Есть две дороги, Николай Николаевич: одна по шоссе, а другая напрямик от родника Кочкар-Ата – по пустырям. Последняя чуть короче.

– Вот по ней и пойдем, – сказал Н.Н.

– Но тут ночью, – добавил я, – по слухам, ходить не безопасно. Вас это не смущает?

Баранский метнул на меня взгляд, полный презрения.

– Мы пойдем с вами! При мне будет Руфка. Да вы что?? Опасно будет тому, кто нам встретится, – отрезал он.

Наступил вечер. В назначенное время мы пошли на вокзал. Когда дошли до развилки, я сказал, что если идти через пустырь, то надо влево. Н.Н. наклонился, поднял булыжник, соединил с ним за спиной руки и решительно направился влево. Руфка шла между нами. Была луна. Я нет-нет, да и косил взгляд на Н.Н. От его резко очерченного профиля веяло решительностью. Я стал думать о том, как бы действительно было хорошо, если бы нам никто не встретился! Минут за двадцать мы дошли до вокзала. Они уехали, а я вернулся домой.

Позже, в 1936 г. наш труд по Южно-Казахстанской области удалось продвинуть в печать. Рукопись была набрана в Алма-Ате. Но выход этой работы в свет не состоялся из-за непредвиденных причин. Область была разделена на две, потребовалась переработка текста, а выполнить этого никто не мог. Набор был рассыпан.

5. У Баранского дома. По окончании мною университета Николай Николаевич с ноября 1932 г. назначил меня ученым секретарем Научно-исследовательского института

географии МГУ. Он тогда был его директором. Сам он ежедневно в институте бывать не мог – мешала постоянная занятость, в том числе и поручения, не связанные с институтом. Он просил меня приходить к нему домой для информации о делах по институту. Случались целые недели и даже декады, когда я бывал у него ежедневно. Жил я тогда от него поблизости, в пяти-семи минутах ходьбы. Время для посещений он назначал позднее – часов девять, а то и десять. Эти встречи и беседы давали возможность составить о Н.Н. более широкое представление как о человеке, об особенностях его характера, привычках и, я бы даже сказал, странностях. Сама по себе это обширная тема и не для данных заметок. Ограничусь лишь несколькими штрихами. Н.Н. был мастером рассказов из своей жизни. Если он видел, что они интересуют собеседника, он говорил увлеченно, забывая о позднем времени. Тематика их была разнообразна, но более всего сводилась к двум «циклам»: а) «во времена моей сибирской жизни» и б) «когда я служил в РКИ». С этих именно слов начиналось повествование. Позже, когда по окончании аспирантуры я перешел на работу в Академию наук и наши встречи стали более редкими, в его рассказах появился третий «цикл» «у нас в МГУ». Если бы все эти рассказы записывать, получилась бы книга, вероятно, очень интересная. Но это для лиц с интересом и жилкой писателя.

Н.Н. был любителем коротких и сильных выражений, характеристик, иногда может быть, даже грубых, не литературных, но сочно «передававших суть дела». Как я убедился, некоторые его «афоризмы» я слышал от него не один. Касались они иногда конкретных лиц, подчас известных географов. <...> Вот, например: «Ему, бедному, в 30-х годах леваки своей критикой вывихнули мозги! Но я надеялся, что со временем они встанут на место; однако этого не произошло, он так и остался на всю жизнь с мозгами набекрень!» Или вот: «За такие вещи в бильярдной бьют кием по голове! И при этом не тонким концом, а толстым!» К поговорке «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» он шутивно добавлял: «И у каждого из друзей займи по сто рублей!» Как мне казалось, Н.Н. не любил телефона. В его квартире телефон был общий в коридоре. Когда Н.Н. вызывали, он раздражался, шел к трубке, чертыхаясь.

Когда же ему самому требовалось позвонить, он многократно просил меня соединить его с нужным лицом и брал трубку лишь, когда разговор был налажен. Позже на других квартирах телефон устанавливался на его рабочем столе. Но, наверное, многие помнят, как звучало у Баранского «Я слушаю!» Если его просили пояснить неприязнь к телефону, он говорил: «У нас в Сибири телефонов не было, я привык обходиться без них». Впрочем, в конце концов, он с телефоном более не менее сжился.

От Баранского я почти всегда уходил поздно, очень поздно – досиживали до рассвета. На смену затягивавшейся беседе приходили шахматы. Он, как и я, любил эту игру. Сначала он в этом увлечении не признавался, но потом полностью обнаружил себя. В этом нам благоприятствовали и обстоятельства. Жена Николая Николаевича, Татьяна Александровна, неизменно радушно угощавшая нас крепким чаем с бутербродами, симпатизировала шахматам. Удаляясь спать, она не выражала гнева, оставляя нас за шахматной доской. Видимо, сказывалась наследственность. Ведь отец Т.А., Александр Владимирович Соловцов, пианист по профессии, был сильнейшим шахматистом Москвы конца прошлого – начала нашего века, он несколько партий выиграл у самого Чигорина.

У географов-шахматистов, естественно возникает вопрос, а как сильно играл

Баранский? Не мне тут быть экспертом. Но что-то сказать надо. Мне казалось, что я с ним «тягаюсь» успешно. У меня тогда был официально второй разряд. А неофициально в одном из квалификационных турниров в Доме ученых в Москве я не добрал полочка до первого. Склонен думать, что Н.Н. играл очень близко к первому разряду, особенно в спокойной обстановке. Сам же он мне говорил, что лучше чувствует себя как бильярдист, чем как шахматист. Он предпочитал открытые начала за белых. Любил играть испанскую партию. Жертву пешки в королевском гамбите у белых принимал. Если в партии у нас складывалась очень сложная позиция и время было уже очень поздним, он, не желая рисковать поспешным ходом, предлагал партию отложить с записью положения. Но я замечал, что на «домашний анализ» у него никогда не было времени. И если партию приходилось довершать, он оказывался неподготовленным. Проигрывать, однако, он не любил. Объяснял свои поражения тем, что где-то попал на «заученный вариант». В случае выигрыша говорил, что ему удалось поставить партнера перед необходимостью «самостоятельно помыслить» и тот с этим не справился. Иногда «третьим партнером» у нас был И.А. Витвер. Он был тоже сильным шахматистом, но по моим наблюдениям, Н.Н. Баранскому уступал. <...>

28 декабря 1972 г.

Об авторе

Рязанцев Сергей Николаевич (1906–1980) – доктор географических наук, профессор, один из первых студентов кафедры экономической географии МГУ, в 1950-е гг. возглавлял отдел экономической географии СССР в Институте географии АН СССР, позднее был зав. кафедрой экономической географии в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской.

Для цитирования:

Рязанцев С.Н. О первых годах работы Н.Н. Баранского в Московском университете // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 105–117.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-10

N.N. Baransky's early years at Moscow University

S. N. Ryazantsev